

Лин Сун предложила сначала пойти во Дворец Цынин и попросить отпуск, а утром, если принцесса не вернётся, они смогут найти предлог, чтобы пойти к Мин Е, и тогда это будет днём, и никто не обратит внимания.

Хотя так и говорили, все трое не спали всю ночь, дрожа, дожидаясь этого момента.

Жун Цзянь только что проснулся, и на его голову обрушился поток вопросов. Он смущённо ответил:

— Ничего серьёзного. Я вернулся через маленькую дверь, тётушка, вероятно, не заметила.

На самом деле он сам не знал, как вернулся.

Лицо тётушки Чжоу всё ещё было мрачным:

— Ваше Высочество поступили слишком неосторожно. Выйти ночью, чтобы навестить стражника, это неправильно, и ещё переоделись в платье служанки. Если бы вас увидели, это было бы необъяснимо. Тогда если бы...

Её слова оборвались.

Сначала она не рассмотрела внимательно, но, подойдя к туалетному столику, тётушка Чжоу увидела, как выглядит Жун Цзянь.

Жун Цзянь выглядел довольно неопрятно.

Он был в вчерашней одежде, та многослойная шёлковая юбка выглядела очень красиво, когда он шёл, но её нужно было тщательно ухаживать, и малейшее движение могло оставить складки, которые были очень заметны. Тем более Жун Цзянь вчера на узкой кровати ворочался, не обращая внимания на всё, и теперь юбка потеряла свою форму. Хотя физически она не была повреждена, в глазах тётушки Чжоу она уже была изношенной.

Но это было ещё не всё. Жун Цзянь заметил, как взгляд тётушки Чжоу остановился на его шее.

Кожа Жун Цзяня была очень белой, на его тонкой, как фарфор, шее появились красные следы и слабые серо-голубые синяки, похожие на отпечаток большого пальца. Эти следы, которые у обычного человека были бы почти незаметны, на Жун Цзяне были слишком явными.

Жун Цзянь поднял медное зеркало, немного повернул его и, наклонив голову, увидел своё отражение. Он на мгновение замер, затем прикусил губу и сделал вид, что ничего не произошло.

На самом деле Мин Е не прикладывал много сил, это он... был слишком хрупким, поэтому это выглядело так драматично.

А тётушка Чжоу была не просто шокирована, она чуть не потеряла сознание.

Более того, волосы Жун Цзяня были растрёпаны, макияж растушёван, помада частично стёрта, и в целом он выглядел так, как будто всю ночь пробыл с каким-то возлюбленным.

Тётушка Чжоу была в панике. Жун Цзяня с детства воспитывали как девочку, и он отличался от обычных людей. Кроме того, в мире существовали такие вещи, как однополые отношения, и это не было чем-то необычным. Тётушка Чжоу, прожившая много лет во дворце, видела, как двое евнухов становились парой и заботились друг о друге, и она не видела в этом ничего

плохого. Но если Жун Цзянь, ребёнок, которого она растила, тоже вступил бы в такие отношения и шалил с кем-то, она бы не смогла этого принять.

Жун Цзянь взял полотенце, выжал его наполовину и вытер лицо, удаляя следы макияжа.

Тётушка Чжоу наконец пришла в себя и сказала:

— Когда вам исполнится двадцать лет и вы пройдёте церемонию совершеннолетия, вы сможете вернуть своё истинное обличье. Тогда вам нужно будет сначала обзавестись семьёй и жениться на доброй и покладистой жене.

Жун Цзянь равнодушно ответил:

— Я не собираюсь жениться, к тому же это будет несправедливо по отношению к ней.

Тётушка Чжоу сказала:

— Как это может быть несправедливо? Ваше Высочество всегда должны жениться, разве вы действительно имеете что-то с Мин Е...

Жун Цзянь понял, что она хотела сказать, и замер:

— Как это возможно?

Он чувствовал, что Мин Е был другим, но не думал об этом слишком много. В самом начале Жун Цзянь хотел держаться подальше от этого человека, главного героя «Злого семени», который был напрямую связан с его смертью. Инстинкт человека — бежать от того, что может причинить ему вред. Позже они стали больше общаться, и Мин Е постепенно превратился из бумажного персонажа в реального человека в жизни Жун Цзяня. Жун Цзянь хотел наблюдать за ним, но не собирался ничего менять.

Ситуация выходила из-под контроля.

К настоящему времени Жун Цзянь редко использовал такие слова, как «главный герой Злого семени», чтобы описать Мин Е. Незаметно его роль из наблюдателя превратилась в нечто большее, и Мин Е стал важной частью жизни Жун Цзяня.

Мин Е, играющий в шахматы, заставляющий его пить лекарства, подаривший перламутровый карандаш для бровей, обещающий «навсегда».

На самом деле, во многих вещах, связанных с Мин Е, Жун Цзянь не руководствовался логикой, а действовал по интуиции.

Если бы он следовал разуму и делал правильные вещи, на четвёртый день после своего прибытия, в первый день пробуждения, он не должен был бы звать Мин Е, который стоял весь день, чтобы принести цветы, а потом отпускать его, а сразу же удалить Мин Е от себя, не встречаясь с ним.

Жун Цзянь делал неправильные вещи, но время для исправления уже прошло. Он был готов продолжать ошибаться до самого конца.

До того самого финала.

Мин Е рано или поздно уйдёт, чтобы начать свою судьбу. А Жун Цзянь, возможно, не сможет

покинуть Дворец Тайпин, он может умереть здесь, как в книге. Потому что у него не было таких талантов и способностей, он даже не мог справиться с окружающими его злоумышленниками, и не был уверен, что сможет выжить здесь.

Это было естественно, но, думая об этом, Жун Цзянь всё равно чувствовал странную грусть.

— Ваше Высочество.

Тётушка Чжоу окликнула его, и Жун Цзянь очнулся. Он поднял голову, больше не глядя на своё отражение в зеркале, и ответил.

Результат этого дела тоже не стал неожиданностью для Жун Цзяня.

Поездка в Храм Защиты Государства в тот день была отменена по приказу вдовствующей императрицы, не оставляя места для сплетен. Но это не означало, что Жун Цзянь не мог покинуть дворец. Вдовствующая императрица была одержима буддийскими ритуалами, и даже если Жун Цзянь не хотел выходить из дворца, ему пришлось бы найти время, чтобы принести ей ритуальные предметы.

Однако следующий благоприятный день был через несколько дней, и Жун Цзяню пришлось ждать.

На самом деле, когда он придумал этот предлог для Сы Фу, Жун Цзянь не подумал обо всём этом, просто решил, что в текущей ситуации Мин Е не сможет выйти, и так и сказал.

В моменты, когда нужно было делать выбор, Жун Цзянь легко отказался от того, что было для него менее важно.

Кроме того, были ещё дела Лин Сун и Сы Фу. В глазах тётушки Чжоу они были слишком смелыми, безрассудными, подстрекали господина и чуть не совершили большую ошибку. Тётушка Чжоу чуть ли не хотела выгнать их.

Той ночью она не сразу наказала их только потому, что они были близкими слугами Жун Цзяня, и она боялась, что это заметят посторонние.

Дело сделал Жун Цзянь, ошибку совершил Жун Цзянь, но вину должны были нести Лин Сун и Сы Фу. Жун Цзянь считал, что это несправедливо.

Он уговаривал:

— Если я хочу что-то сделать, они разве могут меня остановить? Если бы была совершена ошибка, я бы взял всю ответственность на себя, тем более сейчас ничего не случилось. Даже если они были небрежны, достаточно вычесть часть их жалования.

Тётушка Чжоу ничего не могла поделать.

После этого Жун Цзянь вернул им вычтенное жалование, извинился перед ними, сказав, что напугал их, и пообещал быть осторожнее в следующий раз.

Пробыв один день в «болезни», Жун Цзянь снова вернулся к учёбе.

Учитель Ци раскритиковал Жун Цзяня, он видел, что с ним всё в порядке, и поэтому не стоило брать отпуск. Для правителя сильное и здоровое тело было сигналом для подчинённых, что он может долго жить, не умрёт внезапно и заслуживает преданности. А если он будет выглядеть

слабым и болезненным, те, кто хотел бы присоединиться, задумаются, стоит ли связывать свою жизнь с таким господином.

Хотя Жун Цзянь был принцессой и не должен был, как обычный мужчина, стрелять из лука или ездить верхом, он не мог позволить себе репутацию болезненного человека.

Жун Цзянь слушал, кивая, как перепёлка, и обещал, что в будущем не будет брать отпуск без серьёзной причины, или, если придётся, не будет использовать предлог болезни.

Едва вырвавшись от учителя Ци, Жун Цзянь столкнулся с Фэй Шичуном.

Недавно Фэй Шичунь тоже взял отпуск по болезни, сказав, что плохо себя чувствует, и несколько дней отдыхал дома, похоже, вернулся на занятия только несколько дней назад, но Жун Цзянь был слишком занят и не обращал на это внимания.

Он организовал дело о бешеной лошади, сам не пострадал, но императору был нанесён большой урон. Фэй Цзинь, вероятно, не позволит ему повторить это в ближайшее время.

До этого Фэй Шичунь также старался избегать Жун Цзяня, они внешне не пересекались, и Жун Цзянь не хотел иметь дело с человеком, который хотел его убить.

Жун Цзянь прошёл мимо Фэй Шичуна с книгами в руках.

Фэй Шичунь сложил руки в приветствии и окликнул его:

— Ваше Высочество.

<http://bllate.org/book/16310/1471675>